

— Ему нехорошо, — отворачиваясь от Бай Сяоси, чьи глаза наполнились слезами, Мужун Цзю опустил руку, обнимавшую Шао Циханя за талию, и потянулся к ручке двери комнаты отдыха.

Но в этот момент Бай Сяоси бросилась вперёд, громко крича:

— Не ври мне! Я только что спросила других, они сказали, что Хан в таком состоянии из-за тебя!

Её порыв оказался слишком резким, и, пошатнувшись на каблуках, она начала падать. Не успев увернуться, Мужун Цзю, поддерживая Шао Циханя, отступил назад, наткнувшись на дверь, которая уже была приоткрыта. Дверь поддалась под их весом, и оба рухнули на пол.

Шао Цихань, оказавшийся внизу, снова застонал, но на этот раз по-настоящему. Сначала он ударился ягодицами, затем спиной, и, учитывая, что боль и так была сильной, падение на него Мужун Цзю, мужчины ростом под метр восемьдесят, только усугубило ситуацию. Шао Цихань буквально корчился от боли.

Мужун Цзю, упавший на живой матрас, не пострадал. Он поспешно поднялся, повторяя имя Шао Циханя.

Теперь он действительно сожалел — не только о том, что ударил Шао Циханя и вызвал такую ситуацию, но и о том, что позволил гневу взять верх, не дав другу объясниться.

В тот момент, когда они падали, Мужун Цзю отчётливо почувствовал, как Шао Цихань обхватил его за талию и потянул к себе. Именно из-за этого Мужун Цзю упал на Шао Циханя, а не на пол.

Хотя комната отдыха была обставлена с роскошью, и даже пол был покрыт толстым ковром, падение на него всё равно было болезненным, что подтверждал искажённый от боли вид Шао Циханя.

Мужун Цзю даже не взглянул на Бай Сяоси, которая, покачиваясь, всё же смогла удержаться на ногах, опираясь на стену. Он пододвинул кресло и осторожно помог Шао Циханю сесть.

Бай Сяоси, придя в себя, снова бросилась в комнату отдыха, упав на колени перед креслом и с тревогой глядя на Шао Циханя, плача:

— Ты в порядке? Я так испугалась... Что бы я делала, если бы с тобой что-то случилось...

Она рыдала, затем повернулась к Мужун Цзю:

— Ты любишь меня, но я люблю Хана! Я знаю, что он сказал, что идёт в уборную, чтобы

извиниться перед тобой, потому что он отнял меня у тебя. Я тоже хочу извиниться перед тобой... Но как ты мог так поступить? Разве Хан не твой лучший друг? Мы с Ханом действительно любим друг друга... Почему ты не можешь нас благословить?..

Мужун Цзю стоял неподвижно, опустив голову и не произнося ни слова.

Шао Цихань, приходя в себя, услышал рыдания Бай Сяоси, обращённые к Мужун Цзю. В его глазах вспыхнула невыразимая ярость, заставившая Бай Сяоси замолчать. Она лишь продолжала плакать, смотря на него.

— Убирайся, — холодно произнёс Шао Цихань, его тёмные глаза наполнились ледяным блеском.

Бай Сяоси, естественно, посмотрела на Мужун Цзю.

Шао Цихань чувствовал, что в мире нет ничего отвратительнее этой женщины. Он с силой ударил по подлокотнику кресла, и глухой звук заставил Бай Сяоси вздрогнуть. Она с обидой посмотрела на Шао Циханя, но её взгляд встретился с искажённым от гнева лицом.

— Убирайся отсюда! Ты, бесстыдница! Прочь!!!

Шао Цихань закричал хриплым голосом, желая разорвать эту женщину на куски и выбросить в море.

Бай Сяоси, с пустым взглядом, в ужасе вскочила на ноги и, не раздумывая, выбежала из комнаты.

Шао Цихань обмяк в кресле, тяжело дыша, его грудь вздымалась, как у рыбы, выброшенной на берег.

— А-Цзю... Я просто... вне себя от ярости... — сказал он, его голос звучал с облегчением, как будто он пережил перерождение.

Он с трудом поднялся и посмотрел на Мужун Цзю, но его лицо снова окаменело.

Мужун Цзю стоял неподвижно, без эмоций, словно безжизненная статуя.

Почему-то Шао Циханю казалось, что такой Мужун Цзю был даже страшнее, чем тот, что в гневе наносил удары.

Как будто душа Мужун Цзю, которую он знал, уже умерла, оставив лишь пустую оболочку.

— А-Цзю... Я... — Шао Цихань, как пружина, вскочил с кресла, его красивое лицо выражало искреннее раскаяние.

Он подошёл к Мужун Цзю и смиренно извинился:

— А-Цзю, прости меня...

— Шао Цихань, если ты не любишь Бай Сяоси, зачем ты так поступил?

— Ты думаешь, что это забавно — издеваться над людьми?

Мужун Цзю смотрел на Шао Циханя, его глаза были пусты, голос бесстрастен. Он смотрел не на Шао Циханя, а в пустоту, в нечто несуществующее. Мужун Цзю был погружён в глубокое отчаяние, он начал сомневаться в реальности своих воспоминаний, в том, существует ли он сам, и не является ли этот мир иллюзией.

Воспоминания о Бай Сяоси, о Шао Цихане, все воспоминания из прошлой и этой жизни смешались в его голове. Они переплетались, боролись друг с другом, то восхваляя, то осуждая, то утешая, то насмехаясь. В конце концов, они вырвались из плена и заполнили его израненное сердце.

— А-Цзю! А-Цзю!! — голос Шао Циханя доносился издалека, словно эхо.

Мужун Цзю провёл рукой по лицу и увидел, что его дрожащие пальцы мокры от слёз.

— А-Цзю, ты не можешь быть с этой женщиной! — Шао Цихань крепко схватил Мужун Цзю за руки, его лицо выражало смесь жалости и ревности. — А-Цзю, посмотри на меня!

Мужун Цзю механически ответил:

— Почему?

— У неё проблемы с прошлым! Она связана с твоим отцом! — Шао Цихань выпалил правду, надеясь вернуть Мужун Цзю в реальность.

Он не хотел говорить об этом, планируя сначала всё проверить и выбрать подходящий момент для разговора. Но сегодняшняя реакция Мужун Цзю была слишком острой, и Шао Цихань не смог больше молчать. Лучше пусть он знает правду, чем думает, что его предали и друг, и женщина... Да и он больше не мог терпеть, как Мужун Цзю заботится о Бай Сяоси!

Что в ней такого? Он бы лучше, чтобы Мужун Цзю любил его, чем эту дуру!

— Мне приснилось, что мы оба полюбили одну женщину. Я изнасиловал её, и ты очень разозлился.

— А потом? Потом семья Мужун рухнула, и я умер.

Эти слова Мужун Цзю, произнесённые в тот день, внезапно всплыли в памяти Шао Циханя. Он смотрел, как глаза Мужун Цзю постепенно проясняются, и чувствовал одновременно ужас и облегчение, радуясь своему решению рассказать всё.

Если бы он продолжал скрывать правду, сон Мужун Цзю мог бы стать реальностью? Даже если он не любил Бай Сяоси, создавалась иллюзия, что они оба влюбились в одну женщину. А если сон был пророческим... Тогда следующим шагом было бы изнасилование Бай Сяоси Мужун Цзю, а затем его действия, которые привели бы к краху семьи Мужун и смерти Мужун Цзю...

Нет! Этого никогда не случится!

Сны всегда наоборот!

Шао Цихань с надеждой наблюдал, как Мужун Цзю приходит в себя, и гордился своей сообразительностью. Но он не знал, что для Мужун Цзю эти слова были самым жестоким откровением.

— Ты сказал... мой отец...? — глаза Мужун Цзю расширились, а голос задрожал.

<http://bllate.org/book/15114/1335804>